

«Мцыри» («Она мечты мои звала От келий душных и молитв...» и т. д.) и, уже по собственной инициативе, делает купюру в строфе 25, где идет речь о готовности Мцыри променять «рай и вечность» на несколько минут свободы; наконец, к числу сомнительных пьес Никитенко добавляет «Тучи»¹⁴. 8 октября он вновь выносит на суждение комитета две пьесы — «Сосед» и «Расстались мы — но твой портрет»; из последней — строки: «Так храм оставленный — все храм. Кумир поверженный — все бог»¹⁵. Все эти стихи комитет разрешил к печати; однако для нас важно отметить самые колебания Никитенко, который боится теперь даже намека на неканоническую трактовку религиозных сюжетов. Нет ни малейших сомнений, что он не пропустил бы теперь «Демона», — и разрешение, подписанное им полтора года назад, вероятно, заставляло его еще удваивать свою осторожность. В начале февраля 1842 года отрывки из этой поэмы были запрещены им и С. С. Куторгой к напечатанию в «Отечественных записках», и только в апреле, после настойчивых ходатайств, они были напечатаны по личному разрешению министра¹⁶. Еще в 1856 году А. И. Философов сообщал М. А. Корфу, что духовная цензура препятствует напечатанию «разговора Демона с Тамарой» (так называемый «диалог о Боге», стихи 742—749).

Что же касается цензурной рукописи, то она осталась в руках у Лермонтова, а затем перешла к Шан-Гирею. Нам понятно теперь, почему он говорит неоднократно и без малейших сомнений об одобрении «Демона» цензурой: на списке, находившемся у него, стояло цензурное разрешение, подписанное Никитенко 10 марта 1839 года. Этот список был затем в руках Обухова, товарища Шан-Гирея по Артиллерийскому училищу, и, по-видимому, тогда же с него была снята копия, известная сейчас как список О. И. Квиста. Это и была последняя редакция поэмы, после которой, как сообщал Шан-Гирей, «Демон» «не переделывался» и которая легла в основу карлсруйских изданий 1856—1857 годов и современных критических изданий «Демона». В последние годы на основании вновь обнаруженных материалов Э. Э. Найдич обосновал правильность выбора этой редакции в качестве источника дефинитивного текста поэмы¹⁷; запись в цензурных ведомостях добавляет к его аргументам еще один: в марте 1839 года Лермонтов считал поэму оконченной и готовил ее к опубликованию.

Впервые: М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979.

- ¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 44.
- ² Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964. С. 69 и след.; ср.: Найдич Э. Э. Последняя редакция «Демона»//Русская литература. 1971. № 1. С. 76 и след.
- ³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 165, 416.
- ⁴ РГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 203, л. 8 об.
- ⁵ Там же.
- ⁶ О цензурной истории «Песни...» см. в письме В. Д. Комовского П. И. Гаевскому 1838 г. (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. Прилож. С. 82), а также: Здобнов Н. Новые цензурные материалы о Лермонтове//Красная новь. 1939. № 10—11. С. 259—262; Мануйлов В. А. Лермонтов и Краевский//Лит. наследство. Т. 45—46. М., 1948. С. 377, 387.
- ⁷ Здобнов Н. Указ. соч. С. 265.
- ⁸ См.: Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 207; Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1907. С. 119—120; М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 165.
- ⁹ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 213.
- ¹⁰ Мартыанов П. К. Дела и люди века. Т. 2. СПб., 1893. С. 124.
- ¹¹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 190.
- ¹² См.: Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903. С. 508.
- ¹³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 46.
- ¹⁴ См.: Здобнов Н. Указ. соч. С. 266—267.
- ¹⁵ РГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 33, л. 74 об.
- ¹⁶ См.: Здобнов Н. Указ. соч. С. 261—262.
- ¹⁷ Найдич Э. Э. Последняя редакция «Демона». С. 75—78.

Некрасов и петербургские словесники

История, которую мы намерены рассказать читателю, связана с одной неизданной и сугубо деловой запиской, смысл которой раскрывается лишь тогда, когда ее читаешь в некоем хронологическом событийном ряду. Этот событийный ряд — летопись трудов и дней одного из величайших русских поэтов — Николая Некрасова, чья биография, как это ни покажется странным, отнюдь не полностью нам известна, в особенности в начальных своих этапах. Малое из того, что мы знаем сейчас о петербургских мытарствах юноши, приехавшего в 1838 году из провинции в столицу, — приехавшего без денег и почти без образования, скитавшегося по чужим углам и зарабатывавшего поденным трудом на дневное пропитание, — известно нам из скупых воспоминаний самого

поэта, случайных и не всегда достоверных рассказов его петербургских знакомых, — а многое и скрыто от нас. Поэтому каждое, даже незначительное на первый взгляд, но документированное свидетельство, относящееся к концу тридцатых — началу сороковых годов, приобретает для биографии Некрасова особую ценность, — и письмо, публикуемое далее, в этом смысле не исключение. Но начать нужно с предшествующих ему событий.

* * *

Н. А. Некрасов приехал в Петербург в конце июля, а уже в начале октября новый его знакомый, преподаватель Инженерного училища Н. Ф. Фермор приводит его к Н. А. Полевому, известному всей читающей России журналисту, критику, прозаику и историку, некогда издателю запрещенного в 1834 году «Московского телеграфа». Полевой переживал не лучшие дни; после катастрофы с журналом он сломился, бедствовал, постепенно утрачивая и темперамент литератора, и признание читателя, — но в 1838 году его звезда еще не закатилась, он сохранил и прежние связи, и нечто от прежнего авторитета.

Полевой в это время был негласным редактором журнала «Сын отечества», куда Некрасов отдал на печатания одно из первых своих стихотворений — «Мысль». Стихи появились в октябрьской книжке, — и почти одновременно молодой автор наносит визит редактору, возможно, по совету Фермора, — своего рода визит вежливости и благодарности, без сомнения, рассчитанный и на продолжение литературного сотрудничества. В конце 1838 — начале 1839 годов юноша становится довольно частым гостем в доме Полевого; он приходит сюда и с Фермором, и один, — а в «Сыне отечества» одно за другим появляются стихотворения с подписью «Н. Некрасов»: «Безнадежность», «Человек» в ноябрьской книжке, «Смерти» — в январской книжке 1839 года, «Изгнанник» — с посвящением Н. Ф. Фермору — в июне... Его имя становится постепенно если не известным, то привычным для журналистов; его стихи, еще незрелые, еще подражательные, появляются в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» — газете А. А. Краевского, в «Библиотеке для чтения». «Библиотеку для чтения» цензуровал профессор Петербургского университета А. В. Никитенко; он разрешил к пе-

чати и июльскую книжку журнала, где появилось стихотворение Некрасова «Жизнь».

А тремя неделями позже, 14 июля 1839 года он подает на имя ректора Санктпетербургского университета «покорнейшее прошение» о дозволении держать экзамен для вступления в число своекоштных студентов по факультету восточных языков. Он должен был экзаменоваться в так называемой второй комиссии — по наукам историческим и словесным: по закону Божьему и церковной истории, географии и статистике, истории — всемирной и русской и русской же словесности.

Принимали экзамен по словесности профессор и цензор А. В. Никитенко и профессор П. А. Плетнев, известный критик и журналист, некогда близкий друг Пушкина, унаследовавший его «Современник».

Никитенко с 13 июня был в отъезде и вернулся 26 июля¹. Экзамены начались 25 числа, и в тот же день цензор А. И. Фрейганг одобрил к печати «Стихотворения Николая Некрасова».

На следующий же день по приезде Никитенко получил от Плетнева записку, которую нам теперь нужно прочесть целиком.

Любезнейший Александр Васильевич!

Отъезжая, Вы дали обязательное для меня обещание прозвести приемный экзамен. Как благородный человек, Вы сдержали слово и возвратились к этому экзамену. Пользуясь усердием Вашим к службе и дружбою ко мне, я без зазрения совести спешу передать Вам все, что нужно для производства дела. Меня к этому побуждают и домашние хлопоты: я необходимо должен приискать себе новую квартиру и в срок перетаскать в нее весь домашний скарб со старой квартиры. Вы можете поэтому представить, как это много у меня берет времени, пока я еще за всем таскаюсь с дачи.

В прилагаемых у сего бумагах представляются Вам:

1) *Вопросы* из русской грамматики и *темы* для сочинений. Те и другие в Вашей воле заменить новыми. Я их набросал кое-как и Вам посылаю на случай, если Вы не успеете вдруг приготовить новых.

2) *Список* проэкзаменованных мною новичков, не окончательно отмеченных; потому что надобно будет в соображение взять, кроме ответов из грамматики, дельность их сочинений. Таким образом *Некрасов* и *Котомин* в итоге могут быть вместо 2 с 3 и, может быть, с 4.

3) *Сочинения*, не прочитанные мною, следственно, имеющие нужду в Вашем воззрении и отметках.

Очень желаю, по окончании экзамена, *обратно* от Вас получить *темы* и *вопросы* с *черновым списком*, а что касается до *сочинений*, потрудитесь передать их с Вашим ответками декану комиссии или г. Бруту.

Душевно преданный Вам

П. Плетнев

27 июля, 1839

NB. Первый экзамен, на котором присутствовать Вам, имеет быть в субботу, то есть 29 июля².

Мы можем теперь оценить важность сведений, содержащихся в записке Плетнева.

По-видимому, имя Некрасова (как и Котомина, о котором мы ничего не знаем) известно и Плетневу, и Никитенко; во всяком случае, Плетнев как-то выделяет их из числа других абитуриентов и пишет без всяких пояснений, как будто о них уже заходила речь. Вероятно, он не прочел еще их сочинений, иначе бы он выставил окончательную оценку сам, не прибегая к помощи Никитенко, — и как будто ожидает от них многого, если полагает, что они способны повысить общую оценку сразу на два балла. С Котоминым Никитенко и Плетнев могли быть знакомы лично; что же касается Некрасова, то, несомненно, это знакомство литературное; можно думать, что оба профессора заметили поэтические опыты юноши, хотя, скорее всего, не знали о подготовленном уже сборнике стихов.

Никитенко выставил Некрасову тройку; он принял во внимание «дельность» его неизвестного нам «сочинения». Такая оценка позволяла Некрасову конкурировать и далее, если бы он не получил четыре «единицы» по другим дисциплинам: низкий уровень первоначального образования давал себя знать. Это был полный провал, и Некрасов отказался продолжать экзамены. Но дело этим не кончилось.

Как развивались события далее — мы знаем по поздним рассказам самого Некрасова. В них смещена последовательность событий, по-видимому, спутаны эпизоды двух университетских испытаний, а некоторые сообщения не подтверждаются, а иной раз и опровергаются документами, — но общий контур повествования, конечно, реален. Некрасов вспоминал, что, получив *единицу* по *всеобщей истории* (в другом рассказе — по *геогра-*

фии) у профессора Касторского (это, согласно документам, действительно было на испытаниях 25 или 27 июля) и не рассчитывая выдержать экзамен по физике, он отправился к Плетневу, который обещал ему помощь. Ободренный, Некрасов «загулял», а Плетнев забыл доложить о нем на конференции, и будущий поэт не был принят. Мы знаем сейчас, что истинной причиной этого отказа был неуспех на других экзаменах, — но публикуемое письмо неожиданно вписывается в эти рассказы. Если экзамен по всеобщей истории и разговор состоялся накануне, то становится понятным стремление профессора помочь юноше и дать это понять Никитенко.

Некрасов рассказывал М. М. Стасюлевичу, что Плетнев старался смягчить последствия экзаменационной катастрофы. В памяти его сохранился эпизод, который вряд ли может быть вымышлен: Плетнев «после, при свидании, убеждал его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателем. Некрасов сначала не решался. Несколько дней спустя, на старом Исаакиевском мосту он видит, что кто-то его догоняет и идет с ним рядом, всматриваясь в него. Это был Плетнев. Он снова начал убеждать, его, и Некрасов подал прошение»³.

Прошение сохранилось: оно датировано 4 сентября 1839 года. По нему «дворянин Николай Алексеев сын Некрасов» был допущен к слушанию лекций «профессоров Императорского Санктпетербургского университета по отделению философского факультета»⁴, впоследствии преобразованного в историко-филологический факультет.

• • •

На этом мы можем заключить наш рассказ, ибо дальнейшая история неудачных попыток будущего великого поэта стать университетским студентом не имеет уже прямого отношения к новонайденному письму. Более или менее подробно история эта рассказана во всех сколько-нибудь полных биографиях Некрасова, — и, в частности, в трехтомном труде В. Е. Евгеньева-Максимова и в специальной статье С. А. Рейсера⁵. Лишь на один эпизод мы обратим внимание, ибо он составляет своего рода эпилог всей истории.

В феврале 1840 года выходит из печати сборник «Мечты и звуки». Книжка вышла под инициалами; имя автора, однако, не было секретом в литературных кругах. Журналисты, знавшие Некрасова лично, стремились

поддержать собрата ободряющими откликами, и Плетнев внес свою лепту: он напечатал в «Современнике» очень поощрительную рецензию. «В каждой пьесе чувствуем создание мыслящего ума или воображения. Наша эпоха так скудна хорошими стихотворениями, что на подобные явления смотришь с особенным удовольствием»⁶. К этому времени Плетнев был уже ректором университета. Знал ли он, что адресует похвалы прежнему своему протеже? И знал ли сочинитель «Н. Н.», что он узан прежним своим экзаменатором? Подарил ли молодой поэт экземпляр вышедшей книжки издателю одного из лучших российских журналов? Все это нам неизвестно; известно лишь, что 24 июля 1840 года Некрасов опять подает прошение о допуске к экзаменам в университет — на этот раз на юридический факультет.

Результаты этого второго экзамена любопытны. Все отметки по гуманитарному циклу выше, чем год назад, — и, может быть, в этом следует видеть не только лучшую подготовленность, но и предрасположенность к экзаменуемому — отражение позиции ректора. Уже беглый взгляд на ведомость позволяет говорить о скоординированности оценок. У В. С. Порошина по географии и статистике Некрасов опять получил «1», — но другие преподаватели, напротив (а, может быть, именно поэтому), старались единиц не ставить. Так, И. Я. Соколов по греческому языку выставляет оценку «1½», а К. Сен-Жюльен исправляет «1» на «2»⁷. На этом общем фоне весьма скромных экзаменационных результатов выделяется оценка «5» по российской словесности. Ее поставил Никитенко⁸.

Почти нет сомнений, что этот балл ставился не абитуриенту Некрасову, но литератору «Н. Н.», автору поэтического сборника, отрецензированного Плетневым. История годичной давности, приоткрытая плетневским письмом, повторялась вновь — на более высоком уровне.

Дальнейшее известно. Некрасову не удалось сдать дисциплины математического цикла, и 24 июля 1841 года он оставил университет.

Существует рассказ Н. И. Глушицкого, что одной из причин его ухода была резкая критика или даже «глумление» над его поэтическим творчеством, которое позволил себе Никитенко с университетской кафедры. Здесь нет возможности подробно анализировать этот рассказ, взятый из вторых рук. Мемуары Глушицкого полны вымыслов в фактах и объяснениях и частью были опро-

вергнуты в научной литературе. Но даже если критический отзыв Никитенко о «Мечтах и звуках» и был в действительности, — а исключить этого мы не можем, — не он определял линию поведения критика, когда дело шло не о достоинствах поэзии, но о судьбе поэта.

Впервые: Русская речь. 1993. № 5.

¹ Никитенко А. В. Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 209, 212.

² ИРЛИ, 18. 641, лл. 17—18 об.

³ Лит. наследство. Т. 49—50. М., 1946. С. 189.

⁴ Там же. С. 358.

⁵ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1947. Т. 1; Рейсер С. А. «Некрасов в Петербургском университете» // Лит. наследство. Т. 49—50. С. 351—364.

⁶ Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. II. С. 289.

⁷ За это сообщение выражаю искреннюю признательность Б. Л. Бессонову, разыскавшему подлинную ведомость.

⁸ Рейсер С. А. Указ. соч. С. 360—361.

«Великий меланхолик»

1. Загадочная запись

В «Путешествии из Москвы в Петербург», этом своеобразном трактате-размышлении, где Пушкин вслед за Радищевым высказывал свои мнения о самых разнообразных сторонах жизни современного ему русского общества, есть одно загадочное место. Оно находится в концовке главы «Москва».

В этой главе Пушкин говорил о социальном быте двух столиц: «старой» и «новой», Москвы и Петербурга; об упадке первой как неминуемом следствии возвышения последнего, — и с другой стороны — о росте и укреплении московского просвещения. «Кстати, — заключал он, — я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости». Далее в белой рукописи следует название: «Москва и Петербург», на котором глава обрывается¹. Никакого ее продолжения в бумагах Пушкина нет.

Вот уже более ста лет эта запись привлекает к себе внимание. О ней существует целая литература.